

КРАСОТОЮ СПАСЁМСЯ?

«Красота спасёт мир»... Высказывание, приписываемое Ф.М.Достоевскому, цитируется повсеместно – как обнадеживающее, как утешительное, просто как констатация факта. Столь универсально оно на первый взгляд. Вместе с тем, очевиден вопрос: а что имел в виду сам Достоевский? Которое из рассматриваемых значений ближе всего к авторскому замыслу? Если вдуматься, в каком контексте появляется такое высказывание? И в строгом смысле, принадлежат ли Достоевскому именно эти слова?

Похоже, мы имеем дело как раз с тем случаем, когда, в силу широты употребления и кажущейся очевидности авторства, к первоисточнику давно уже никто не обращается и не отсылает. Но давайте всё же посмотрим, а как там, у классика?..

Начнём с того, что высказывания в привычном виде – то есть «красота спасёт мир» – у Достоевского всё-таки нет. Зато есть «мир спасёт красота» – разница, на первый взгляд, не принципиальная. Однако обратимся к контексту. Эти слова произносит Аглая Епанчина, героиня романа «Идиот», и произносит их, так сказать, в списке запрещённых тем: « – Слушайте, раз навсегда, – не вытерпела наконец Аглая, – если вы заговорите о чём-нибудь вроде смертной казни, или об экономическом состоянии России, или о том, что «мир спасёт красота», то... я, конечно, порадуюсь и посмеюсь очень, но... предупреждаю вас заранее: не кажитесь мне потом на глаза!» («Идиот», Ч.4, гл.VI). Даже если предположить, что для Аглаи эти темы носят какой-то сокровенный характер, и именно поэтому говорить о красоте она не хочет, то согласитесь: предположить, что Достоевский отождествлял себя с Аглаей Епанчиной, как-то не получается.

Посмотрим, какие представления о красоте и её силе Достоевский определил для других своих героев. Со слов Мити Карамазова складывается едва ли не обратная картина: «Красота – это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, и определить нельзя потому, что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут... Иной высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Ещё страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину горит, как и в юные беспорочные годы... Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В Содоме ли красота? Верь, что в Содоме то она и сидит для огромного

Настасья Филипповна и князь Мышкин.
Кадр из фильма «Идиот».

большинства людей... Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей», – («Братья Карамазовы», Кн.3, гл.III). В современной литературе и печати чаще всего цитируются лишь последние слова – о битве за человека. Между тем, размышления героя о красоте содомской и красоте вышней – это ключик к пониманию проблемы.

Как видно, противоречия здесь нет. Получается, что Достоевский совершенно чётко разделяет красоту на высокую и низменную, то есть горную и земную. Человек соединяет в себе две эти противоположности, и в этом – опасность и ужас красоты. Часто земная красота, лишённая духовного начала, принимается за красоту истинную. Она несёт в себе гибель, ведь в лучшем случае – она лишь отблеск горней красоты, а в худшем – от дьявола.

Вспомните слова Аглаи Епанчиной*, когда она смотрит на портрет Настасьи Филипповны: «Такая красота – сила... с этакою красотой можно мир перевернуть!» («Идиот», Ч.1, гл.VII) И что же, мир перевернулся? – Князь Мышкин сходит с ума, Рогожин гибнет – нравственно и физически, сама Настасья Филипповна мертва, и тело её – пристанище для мухи (любопытнейшая деталь!) Кого спасла такая красота и кого сделала счастливым?

В то же время, Достоевский даёт ясное указание на то, что для него истинная красота: «Мир станет красота Христова» (Бесы. Подготовительные матери-

алы. Заметки. Характеристики. Планы сюжета. Диалоги. Июнь 1870 г. Продолжение фантастических страниц). Горняя красота есть красота Христа, Сын Божий отождествляется с красотой, подобно тому, как отождествляется со светом и истиной. Эта мысль часто встречается в учениях православных святых отцов. Скорее всего, от них Достоевский воспринял эту идею. В «Записную тетрадь 1876-1877 годов», т.е. десятью годами раньше «Идиота», он писал: «Христос – 1) красота, 2) нет лучше, 3) если так, то чудо, вот и вся вера...» (ЗТ-2, апрель 1876 г.) Истинная красота в его понимании тождественна Богу. Другими словами, сказать «мир спасёт красота» – всё равно что сказать: «Христос есть Спаситель мира».

По поводу истины о спасительной красоте философ-мыслитель Н. Лосский заметил: «Красота спасёт мир» – эта мысль принадлежит не только князю Мышкину («Идиот») (ещё одна ошибка! – А.М.), но и самому Достоевскому». Видимо, с его легкой руки (точнее – пера) именно такая формулировка разлетелась по свету. Но как бы то ни было, Лосский также имеет в виду отнюдь не внешние формы. И если кто-то всерьёз верит, что художочный «эталон красоты» на длинных ногах может спасти мир, то это не имеет ничего общего с глубоким нравственным контекстом романов-притч Достоевского.

Аля МИТРОФАНОВА.

* Эти слова принадлежат не Аглае, а Аделаиде Епанчиной. – ред.